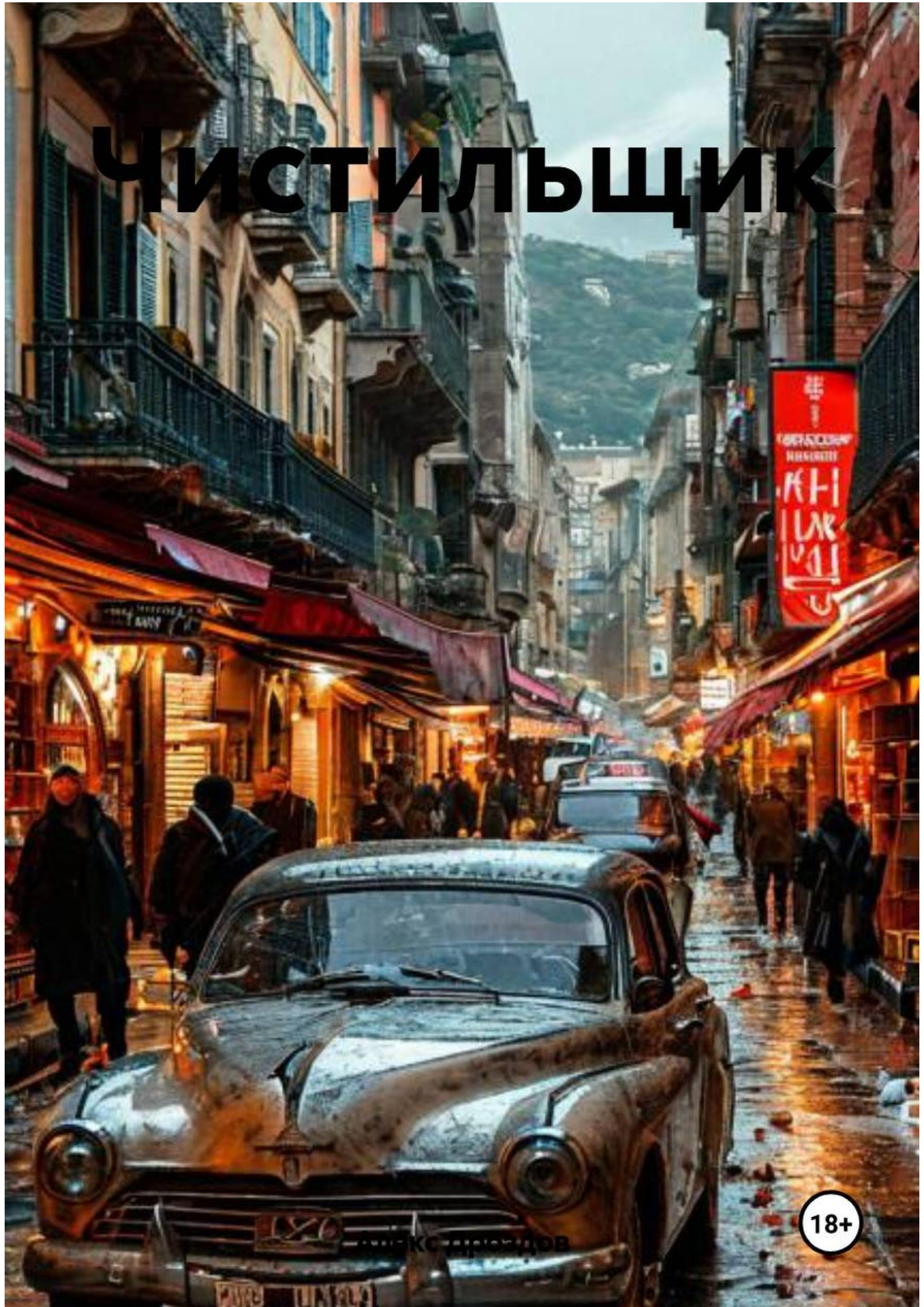

ЧИСТИЛЬЩИК

18+

Александр Петров

Алекс Дроздов

ЧИСТИЛЬЩИК

«Автор»

2013

Дроздов А.

Чистильщик / А. Дроздов — «Автор», 2013

Особенности национальной охоты на мафию в России и в Италии, или как развязать клубок неразрешимых ситуаций. Стрельба, убийства, погони.

© Дроздов А., 2013

© Автор, 2013

Алекс Дроздов

Чистильщик

Глава 1

Петровский сидел за столиком бистро всего-то четверть часа. Площадь Тюльпанов, где и располагалось кафе, можно было назвать площадью с большой натяжкой – перекрёсток пяти узеньких улиц, таких характерно грязных для этого района. Уже зажглись фонари, и ждать оставалось недолго. По расчётам Петровского – несколько минут.

Он глянул на часы, висевшие на здании ратуши, и отхлебнул из чашки кофе.

Часы показывали без семи минут восемь, а его «Ролекс» – без шести.

«Зачистка» – он не любил этого слова. Папа был прижимист, но профи стоил действительно дорого. Очень дорого для такого подонка, как Красавчик Алексис.

– Не хотите ли ещё кофе, синьор? Может, вечернюю газету? – гарсон смахнул салфеткой несуществующую пыль с края стола.

– Нет, спасибо.

Ресторан, в котором всегда ужинал Красавчик, располагался справа от бистро. Его «Мазератти» останавливался прямо у входа, и первыми выходили «гамадрилы», осматривали всё вокруг. Потом вылезал сам Алексис, сильно смахивающий в своём идиотском малиновом костюме на сутенёра средней руки. С такого близкого расстояния Маара не должна промахнуть, тем более с коллиматорным прицелом. Её «Ситроен» стоял на противоположной стороне площади уже полчаса – боком к ресторану. Петровскому оставалось быстро покрошить «гамадрилов» и Маара сможет, наконец, купить свой галантерейный магазинчик, о котором они мечтали.

Он осторожно положил тяжёлый «Аграм» на колени, и в этот момент площадь осветилась фарами подъезжающего «Мазератти»...

***

... Петрович отложил в сторону исписанный лист и не без труда вылез из узкого пространства между старым обшарпанным письменным столом и стулом. В дворницкой было тесно, но как раз этот стол и был предметом его гордости. Старинный, с «пумпочками», он как бы заряжал его чем-то.

Петрович надел куртку, ещё поверх куртки – оранжевую «жилетку», и поднялся по лестнице к выходу.

На улице от яркого снега слепило глаза. Мария уже ждала его.

– Петрович, ты крыса подвальная. Совсем одурел от своей писанины. Пишешь, пишешь, а чего пишешь? Забыл – сегодня зачистка? На, держи вот.

Она всучила ему снеговую лопату. Симпатичная, Мария обслуживала соседний с Петровичем участок из пяти домов, стоящих торцом к площадке ЖЭКа.

– Давай, я начну с той стороны, а ты – отсюда давай.

...Закончив «зачистку», Петрович присел на лавку и положил лопату на колени. Морозец, градусов в шесть, разругал щеки Марии. И телогрейка, и ватные штаны вовсе не портили её изящную фигуру – она смотрела на Петровича, и её глаза смеялись.

Они очистили вдвоём с ней всю площадку, и тротуары не забыли.

Эх! Хорошо!

Обстучав сапоги от снега, он поставил лопату у лестницы и спустился в дворницкую.

Открыл дверь.

В глаза ему ударил свет фар подъезжавшего «Мазерати»...

***

– Знаешь, Микель, я не люблю тебя.

Микель. Как он ненавидел своё имя! Микель, Микеле, Майкл – всё одно. Нужно будет сменить его на Руди. Она не сказала «навсегда», она сказала коротко – «не». Она всегда была такой.

Маара стояла у окна в одном свитере и курила. На мгновение комнату осветили вспышки полицейских машин, проносящихся по улице.

Их вой ударил Микелю по ушам, как плеть.

Он достал сигарету из пачки, лежащей на подушке.

Сигарета сломалась.

– Раньше ты говорила другое.

Она отошла от окна и села на край кровати. Кровать у Маары была старинная, железная. Она говорила, что это антик. Досталось от предков по материнской линии. Такой хлам?

– Да, говорила. Но сейчас кое-что изменилось.

Микель ощутил острое желание назвать её стервой. А что, собственно, это меняло? Она всегда была ею, это было её нормальное состояние.

Но всё же...

Он вдруг вспомнил её тело. Горячее, упругое, лёгкое. И ещё одна мысль, отчётливая до странности, появилась в голове. Последнее время он ни о чём не думал. Не мог думать ни о ком, кроме неё.

Она заставляла его думать.

Нет, это невозможно. Он не может вот так просто её отпустить. Он не знал причину, и не было необходимости её знать. Плевать он хотел...

Вчера кое-что случилось.

Маара промахнулась.

Как это могло произойти, с такого малого расстояния, Микель не знал. Не знала и сама Маара. Видимо, Алексис что-то уронил, или помешал ветер? Петровский услышал звук её винтовки, увидел вспышку, но Красавчик не упал. Его гориллы в один момент повытаскивали пушки и завертели головами на коротких шеях. Наконец один из них сообразил, откуда стреляли.

Медлить было нельзя.

Машина Маары стояла на месте. Она снова попыталась поймать Красавчика в прицел, но он прикрывался спинами горилл. Они открыли огонь, и Петровский, прямо из кафе, вполсил в них весь магазин, без остатка.

В них, в машину, в Алексиса....

Потом наступила тишина.

Один телохранитель лежал неподвижно, второй прятался за капотом «Мозератти». Красавчика нигде не было видно.

Под навесом кафе плавал сизый пороховой дым.

– Петровский, не стреляй! – крикнул Алексис, размахивая платком над головой.

Микель решил выждать, чтобы Алексис высунул голову и Маара смогла его поймать. С минуты на минуту могла нагрянуть полиция – гарсон, скорее всего, сразу позвонил в участок.

– Петровский, ты меня слышишь? Не стреляй, мы договоримся.

Словно в подтверждение своих слов Красавчик толкнул гориллу в спину, тот бросил пушку на мостовую и поднял руки.

Он дал столько же, сколько и папа. Он так и сказал: «Сколько тебе заплатил Бруно?» Микель мог назвать любую сумму, но простачков среди мафии не было. Всё имело свою цену.

Он накинул всего штуку, и Алексис понял это, но не подал виду.

Риск был большой, но куш удвоился, чёрт возьми! В конце концов, ни он, ни Маара не состояли в семье у Бруно.

План был прост.

Красавчик платит ему и Мааре четыреста кусков. Но сначала в газетке, которую он кормит, появится заметка – что вчера, на площади Тюльпанов, застрелен глава семьи Феррано Красавчик Алексис. Всё, как полагается – с фото с места происшествия, некрологом, прощениями и прочее.

Микель и Маара являются за расчётом к Бруно и делают свою работу.

Остальное делают гориллы Алексиса. Но к этому моменту, как понял про себя Микель, их с Маарой в городе быть уже не должно.

– Ты хочешь, чтобы я уехал прямо сейчас? – спросил он.

Вторая сигарета не сломалась.

– Нет, нет.

Микель вспомнил пошлый английский анекдот про умершую графиню. Как всё паршиво оборачивается. И это именно сейчас, когда эти волнения вовсе не нужны.

Спать уже не хотелось.

Когда это было?

Вечером, когда у него случился приступ, да. Они были короткие, эти приступы, и он привык к ним. Маара поначалу изображала озабоченность, и он чувствовал это, но...

Вчера он выплюнул пару кровавых сгустков. Он ждал этого, но не так скоро.

Новости появились не в дневной, а даже в утренней прессе.

***

Пакостное, гадкое сырое утро застало врасплох. Он принял душ, пока Маара одевалась. Он не мог себя заставить проснуться раньше, чем...

Кофе они выпили в паркинге из автомата. Его чуть не стошнило.

Офис папы располагался на пятом этаже в сером кубическом здании через пять кварталов от квартиры Маары.

Петровский припарковал «Ситроен» перед входом.

– Оставайся в машине.

– Правда? – Маара сидела с открытой пудреницей.

– Ты боишься?

– Кого? – она рывком открыла дверцу и вышла первая.

Другого ответа от неё он не ждал. Зачем было нужно просить её об этом? Кретин. Хотя, она права – будет лучше, если кто-то позаботится о безопасном отходе.

Они поднимались на лифте и договорились, что всё же Микель зайдёт к шефу один, а Маара поторчит в приёмной.

– Ну не станешь же ты спускаться по пожарной лестнице, – это была, вероятно, шутка. Обычно в приёмной находилась только Лиза, а гориллы тусовались этажом ниже. Лифт Маара должна была задержать на пятом, заблокировав его. На всё отводилось секунд пятнадцать с момента получения денег.

...Бруно Романо, шеф агентства по недвижимости, держатель контрольных пакетов трёх текстильных фабрик, владелец кучи мелких забегаловок на главной улице города, сидел за бескрайним столом и раскуривал сигару. На столе валялся тот самый утренний номер «La Mattina Napoli», с фотографиями простреленной машины Красавчика на первой полосе.

– Хорошая работа, малыш, – сказал папа, выпуская клуб дыма. Он был не то, что толст – он был жирный, как слон. Пиджак еле сходил на животе, собираясь поперечными складками от пуговиц к периферии боков.

Микель стоял молча. Напоминать о деталях сделки считалось верхом неприличия.

Ну, давай, давай, жирная свинья, шевелись!

– Ты же знаешь, Микель, я отношусь к тебе, как к сыну. Несмотря на то, что ты не член нашей семьи. Я знал твоего отца, мы были с ним старые добрые друзья.

Сейчас. Сейчас он откроет сейф, и...

– Да, добрые друзья. Работа хорошая, ты слышал. Но это к тебе не относится, малыш. Я сказал о Красавчике, а ты понял, не так ли?

Глаза у Бруно стали узкие, как щелки.

– Ээ, шеф, не совсем понял. О чём вы?

– Я только что разговаривал с ним. Хочешь, вместе наберём его номер? Вы же теперь друзья, да?

План не сработал – это то, что понял Микель. Бруно снюхался с Красавчиком, и когда только успел? Значит, он нашёл дешёвку, которая за полцены через день-два зарежет Алексиса где-нибудь у выхода из ресторана...

Падаль.

Боковая дверь открылась, и в кабинет тихо вошли Акула Дюк и Рыжий Хвост, с «Узи» наизготовку. Акула улыбался, словно только что сорвал банк – он давно хотел посчитаться с Петровским.

За Маару.

– Ты не получишь ни лиры, малыш. Потому что ты плохо сработал. Очень плохо. Хотя... По старой памяти о твоём отце я оплачу похороны. Ты же знаешь, что это дело святое. Мне жаль, чертовски жаль. Ты так и не обзавёлся семьёй – это тоже плохо. Хм, твоя сука в приёмной сейчас... Придётся мне раскошелиться ещё на одни похороны. Да, Микель, вот...

Он не договорил.

За всю жизнь Микель ничему толковому не научился. Он не умел строить дома, печь хлеб, собирать машины, растить оливки и давить из них ароматное масло.

Лишь в одном деле он был профессионалом «от бога» – как говорят на Сицилии.

А что могут сделать два девятьсот одиннадцатых армейских «Кольта» сорок пятого калибра в руках профессионала? Много.

Грохот потряс офис Бруно, словно в него ворвался товарняк. Микель стрелял с обеих рук, медленно водя стволами по комнате.

На всё дело хватило пяти секунд.

Едкий запах пороха сдавил ему лёгкие, полоснув по ним бритвой.

Микель натужно закашлялся. Романо лежал слева от кресла, его грузное тело ещё подёргивалось в агонии, словно пасхальное желе. Тёмная лужа крови расплзлась под столом. Сигара, зажатая меж двух пухлых обрубков-пальцев, всё ещё дымилась. Петровский убрал оружие и наклонился над папой.

Отстегнув карбинчик от шлёвки, он выудил небольшую связку ключей из брючного кармана убитого. Затем переступил через тело и открыл сейф.

В сейфе оказалось на глаз около миллиона. Неплохо!

Он быстро сложил пачки в небольшой кейс и, перешагивая через горилл, тихо подошёл к двери.

Шума не было слышно.

Он открыл дверь в приёмную.

Романо предусмотрел это.

В грудь ему упёрся ствол «правой руки» Бруно – Ренато Бешеного. За столом Лизы он засёк ещё одну гориллу – Милано. Тот держал Маару за руку, и на ней были браслеты. «Узи» Милано лежал на столе.

– Ну-ка, поставь чемоданчик, парень, – сказал Ренато, протягивая руку.

Удар пришёлся Микелю в челюсть – бить Бешеный любил и умел. Чтобы не упасть, Петровский ухватил его за рукав, но кейс не выпустил. Во рту стало солоно.

Он припал на одно колено и с этого неудобного положения выстрелил. Пуля попала Бешеному в подбородок, прошла через голову и вышла через темя. Брызгами от мозгов запачкался безупречный потолок приёмной.

Чтобы не быть придавленным сползающим телом, Микель толкнул Ренато, и тот мешком плюхнулся на пол. Волына тюкнула в паркетный пол.

А Милано уже стоял, дико вращая глазами, он давил стволом «Узи» в висок Маары.

– Я застрелю её, слышишь, ты, ублюдок? Застрелю!

Микель опустил «Кольт».

– Какой же ты тупой, Милано. Поэтому ты не поднялся выше простой гориллы. Ты даже в помощниках бригадира никогда не ходил.

– Кидай мне кейс, Петровский. И твоя сучка не пострадает.

Петровский медленно достал зажигалку, опустив глаза в пол, и сказал, тщательно проговаривая слова:

– Милано, это не моя сучка. Мне хватит этой секунды – пока ты будешь убивать её. В этом случае у тебя шанса не будет. А вот если бы ты отпустил её – тогда такой шанс у тебя был бы. Бывают в жизни моменты, когда собственная жизнь дороже сучек.

Милано думал с секунду, потом оттолкнул Маару и поднял «Узи».

...Пуля Микеля попала ему точно в середину лба. Очередь из «Узи» вспорола потолок, окатив Микеля градом штукатурки.

Маара стояла, прислонившись к косяку, чуть бледная.

– Ты мерзавец, Петровский, – сказала она, улыбнувшись.

Глава 2

Петрович поднялся по лестнице и распахнул дверь в морозное утро.

Ещё не рассвело, и в свете фонаря, болтавшегося над подъездом, выпавший в ночь снег искрился, словно битые ёлочные игрушки.

– Маша! – крикнул он и закашлялся.

Половина восьмого утра. Жильцам пора просыпаться.

Петрович сплюнул на снег кровавым пятном и растёр его сапогом. Надо, надо бросать курить.

Из тьмы, как привидение, появилась Мария. Словно угадав его мысли, подтвердила:

– Ты бы поменьше курил, Петрович.

Она поставила метлу к стене и улыбнулась.

– Да, точно. Один знакомый у меня вот так бросил курить, и умер. Нельзя резко бросать, это же как с водкой. От резкого бросания вреда много. Где ты такую кипишную метлу взяла?

– Сама вот вяжу. Илларионовна удувится за копейку, сам знаешь.

Петрович затянулся вонючей сигаркой.

– Только я вот не помню точно, как было с этим знакомым. Вроде наоборот.

– Как наоборот?

– Ну, сначала он умер. А потом курить бросил.

Пискнул зуммер домофона и из соседнего подъезда вышла импозантная дама лет сорока. На ней была дорогая короткая шуба, чёрные колготки и белые сапожки. Она прижимала к уху сотовый телефон.

Из-за угла неслышно выплыл «Линкольн». Дама недовольно открыла дверь, и, не оббивая сапог от снега, поместила своё не очень грациозное тело на переднее сиденье.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты ждал, ждал! Чтобы ты тут стоял и ждал меня, бестолочь, – слышался голос.

«Линкольн» покотился по узкой дворовой дорожке.

– Верка своего водилу ишь как распекает. А я помню, как она бутылки сдавала. Бегала к армяну в палатку. Ты-то не помнишь, не было тебя ишо.

Петрович посмотрел вверх деревьев. За квартал от двора на макушке высотки горела огромная надпись:

«Г А З П Р О М. МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ»

Она взяла метлу и сунула такую же Петровичу – облезлую, с тремя прутиками.

– Пошли, олигарх, дорожки мести. Ты – с улицы, я здесь начну пока.

***

Они сидели в «La Carbonara».

Здесь никогда музыка не играла громко, никогда. И Микелю это нравилось.

– Ты взял слишком крепкий «Мартини».

Глаза у Маары блестели в свете бра, развешенных на стенах в стиле средневековья.

– Можешь не пить.

– Не пить я сейчас не-мо-гу, – сказала она, впиваясь в него взглядом.

– Что ты хочешь, Маара?

– Те-бя...

Микель наблюдал за широкоплечей дамой в блестящем платье. Дама поочередно приставала к посетителям, медленно фланируя между столиков.

– Слушай, Маара, давай разбежимся? Я бы не хотел...

Она нервными пальцами достала сигарету и щёлкнула зажигалкой.

– Никогда не думала, что ты такой, Микель. Почему бы не попробовать получить нам причитающееся? Это ещё четыреста.

– Ты с ума сошла. Красавчик снюхался, ты забыла? Он снюхался с Романо.

Блестящая дама подошла к ним и уставилась на Петровского.

– Какой симпапуля, – выдохнула она.

– Пшёл вон, – прошипела Маара.

Дама, выругавшись мужским басом, направилась к эстраде.

– Микель, ты начинаешь сердиться. Я это вижу. Подумай, что Красавчик получил сейчас бонус. Они всё равно не ладили бы с Романо. Вдруг получится, и он заплатит?

– А если не заплатит? Я не желаю рисковать, мне жизнь дорога.

– А ты себе много намерял?

– Сука!

– Ладно, остынь. Если не заплатит, то... То мы будем умнее. У Романо я понадеялась, сама не знаю на что. Извини.

Микель хлебнул «мартини».

– Ладно. Что ты предлагаешь?

Она достала ручку из сумочки и что-то начеркала на салфетке.

– Вот, смотри. Это план пентхауса Красавчика. Ты войдешь через лифт, один. Меня они не должны видеть. Напротив его конторы – здание гостиницы...

Я сниму номер вот здесь...

***

Пентхаус Красавчика был вовсе не такой шикарный. Всего несколько комнат.

Петровский позвонил Алексису, чем привёл его в замешательство. Но это длилось лишь мгновенье, и Алексис взял инициативу – sarogegime всегда должен держать марку.

...Они здорово отделали Микеля, как только он заявился. Особенно отличился Луиджи. Луиджи, тупой ублюдок, выслуживался до советника и поэтому старался, как дурак на банкете. По ходу дела они с Джордано вытряхнули из Микеля прослушку. Это было плохо – теперь Маара ничего не сможет сделать.

Луиджи грубо втокнул Микеля в комнату.

Красавчик сидел в кресле за столом. «Что они так любят сидеть за столами?» – подумал Микель, вытирая кровь с разбитых губ. Глаз заплыл, веко быстро опухало, чёрт.

Если бы Красавчик стоял, то ему бы пришлось смотреть на Петровского снизу вверх, это при его росте метр шестьдесят. Четвёртый капо дона Сальваторе был коротышкой с лицом, напоминавшем мочёное яблочко. Именно поэтому он предпочитал сидеть на стуле с регулируемой высотой.

– Микель, Микель. Дон Сальваторе будет очень недоволен тобой.

– С чего бы это, Красавчик? Я не член вашего профсоюза. Ты забыл, что мы с тобой договаривались? И ты сам, сам назначил цену за голову Бруно.

– Мы с тобой не договаривались. Впервые слышу.

Алексис явно был доволен. Ещё бы! Он одним махом избавлялся и от ненавистного Бруно Романо, и от исполнителя. А когда все звенья будут удалены, тогда и дон Сальваторе не проявит ненужного любопытства. Алексис надеялся, что не проявит. За крысятничество в семье карали строго.

И тогда на место Романо встанет его зять Ренато, который сейчас в советниках.

– Я думал, Алексис, что ты свинья. Но ты хуже свиньи. Ты невыложенный кабан.

Алексис побелел.

«Ну, давай, давай, свинья, выйди из-за стола...»

Окно располагалось посередине комнаты, и Маара, если она сейчас на той стороне улицы, никак не могла видеть всю комнату.

Красавчик привстал, вцепившись в столешницу.

– А я хотел заплатить тебе, Микель... Луиджи, Джордано, а ну-ка, объясните ему – кто здесь есть свинья.

Удар обрушился на Микеля слева. Он покачнулся и его подхватил Джордано. Подхватил и врезал в диафрагму.

Но Микель был готов к удару. Он сконцентрировался, и, собрав всю силу, попытался вырваться. Если сейчас ничего не удастся предпринять, его дело дрянь.

Он изловчился, уклонившись от летящего кулака Луи, схватил стул и швырнул его в Красавчика. Тот взвизгнул, отпрянул и выскочил таки из-за стола.

В тот же момент боковым зрением Микель увидел маленькую красную точку на виске Алексиса.

Чпок!

Оконное стекло звякнуло, и Алексис упал на пол, хватая рукой стул.

Луиджи бросился к шефу.

И второй раз -

Чпок...

Луи нелепо взмахнул руками и повалился на шефа. Микель, не медля, в два прыжка очутился возле него и живо выхватил из его кобуры тяжёлый «Глок-7».

– Привет шефу, Джо, – он навел ствол на Джордано и нажал на спуск.

***

– Петрович, ты получку получил? – крикнула Мария в мрачный провал подвала, и, не услышав ответа, спустилась вниз.

Дверь в каморку дворника была приоткрыта. Полоска света падала на облупившуюся стену, когда-то выкрашенную в ядовито-зелёный цвет. Петрович сидел за столом, заваленным слесарным хламом, и писал что-то в большой блокнот.

– Получку получил, говорю?

– Да получил, получил.

– А что не рад?

– Дык, оно это. Уже потратил всё.

– Свисти больше. Потратил он всё. А на что жить будешь?

Мария села на ящик и достала пачку «Альянса».

– Петрович, что ты куришь? Вонища, святых выноси...Фу!

– Курю вот... Бычков накрошил старых...И в газетку.

– Там же свинец?

– Да нет там никакого свинца давно. Это свинец был, когда вручную набирали.

– А ты откуда знаешь?

– Я теперь всё знаю, что литературы касается.

– Дааа, это я уже поняла. А про что пишешь?

Петрович выудил из пачки Марии сигаретку, прищурился и прикурил от электроплитки.

– Про мафию.

– Про нашу?

– Не, про ихнюю.

– Про ихнюю? А про нашу что, нечего писать? Вот, глянь только, – Мария развернула газету, которую прихватила с собой. На первой полосе многотиражки значилось:

«Совершено покушение на главу Газпрома Александра Миллера».

«Александр Миллер был госпитализирован с ранением в голову, и, находясь в реанимации...»

«...Скончался не приходя в сознание...»

***

– Писал бы ты лучше про любовь, – Мария томно затянулась сигареткой, и, отставив пальчик, тряхнула пепел в стакан с недопитым чаем.

– Про любовь? Это... Это зачем про любовь-то? А про что там писать?

– Тёмный ты, Петрович. Про страдания там пишут, всяко-разно. Ну как тебе сказать? Она замужем, а полюбила другого... А другой-то её не любит, потому что он голубой. Она и страдает. Или он полюбил другую, а она уехала. Да мало ли интересного в жизни?

– Это ты интересом в жизни называешь, Маш?

– А как же. Любовь – она самое главное, самое прекрасное. Она миром правит.

Петрович хмыкнул, покрутил ус.

– Чой-то ты не то говоришь. Это вы, бабы, придумали, что любовь миром правит. Миром правят три вещи – жажда власти, деньги и слава. Вот!

Мария снисходительно улыбнулась.

– Вам бы, мужикам, один мордобой. А рожать вы не умеете. И любить-то не умеете, как мы, женщины. А в конце концов всё одно любовь правит миром, я сказала.

– Маш, ну хорошо ты сказала. Ну где ты видела олигарха, который отвалил огромную кучу денег, купил себе депутатское кресло – потому что в депутатку влюбился? Или банкир, к примеру. Полюбил соседку по этажу, ну и решил подарить ей двести миллионов долларов, чтоб она, значит, его тоже полюбила. Или вот писатель знаменитый... Ты думаешь, он про любовь пишет, потому что ему нравится? Он пишет, потому что это вам, дурам, нравится. А ему нравятся деньги, которые вы платите за книжки его.

– Умный ты слишком для дворника, как я погляжу. А что тогда небогатый?

– В самый раз. А богатство нам ни к чему. С ним неприятности одни. Вишь, Миллера этого застрелили, и деньги не помогли. А кому Петрович нужен с его ватником и метлой? То-то и оно. А я тебе так скажу – эти три подруги всегда рядом ходят, всегда друг дружку держатся. Деньги, власть и слава. Как вера, надежда и любовь. Будет у тебя власть верховная – будет и любовь. Насильно мил будешь окружению своему.

Петрович вытряхнул из стакана бычки, сполоснул его в рукомойнике и налил кипятку из чайника.

– Чай пить будем, любовь моя?

– Шалун, итить, – Машины щёки покраснели, – Буду, буду, наливай.

Аромат чая наполнял дворницкую.

– Сушку дай, – Маша разругалась ещё больше.

– Чево там сушку. У меня вот есть, – Петрович вынул из обшарпанного холодильника бутылку «Pugat» (Элитный ром, стоимость в розницу около \$500 за единицу).

– Ой, красивая какая! Налей, только полстакашка.

– Маш, это ром. Его в чай добавляют. А так его пить плохо. Хуже чеченской катанки.

– Поняла.

Он налил ей немного в чай.

– Духовитый. А всё ж, Петрович, гнилая твоя философия. Вот твой олигарх зачем деньги ворует? Чтобы их на женщин потом тратить. Подарки – шубы, брилики дарит Любви своей. Вот его и кокнул муж такой шикарной девахи. А в газетах пропечатают, что, мол, из-за денег.

– Вон как ты вывернулась, – Петрович отхлебнул ром прямо из горла, пряча улыбку в усы.

***

Они взяли у Алексиса больше миллиона. Получалось по восемьсот с лишним тысяч долларов. Можно было бросать работу и сваливать из этого города. И не можно, а нужно. В эту минуту их разыскивали люди дона Сальваторе, и уж конечно не для партии в покер. Маара свернула с Римского шоссе в сторону моря.

Они бросили «Ситроен» ещё в городе, успев собрать кое-какие вещички из личного, и угнали старый «Фольксваген». Его бросили на выезде и пересели в рейсовый автобус, идущий до Фоджа. Потом свернули к Пескара, вышли и угнали ещё одну машину – «Фиат» с синим верхом.

***

... Уютное кафе нависало над заливом.

Ветер трепал волосы Маары. Казалось, что она была счастлива. Микель смотрел на неё, и всё уходило в прошлое. Жизнь в замызанном квартале, редкие заказы, и... У Маары в уголках глаз стали появляться морщины, в неполные тридцать два года. Дева Мария не сжалась над ней.

– Куда ты теперь? – спросила она.

– Не знаю. Думаю, что лучше в Россию или Польшу. Там никакой Интерпол не найдёт. Ты же знаешь, у них на меня зуб. А ты?

– В Штаты. Сначала туда, а там видно будет. Открою кафешку где-нибудь в захолустье, на шоссе.

– Может, вместе?

Она усмехнулась.

– Микель, и что мы будем делать вместе? Нет, нет, это всё лишнее.

Она встала, достала из сумочки помаду, связку ключей, какие-то бумажки. Поразмыслив, зашвырнула ключи с обрыва в море.

– Я уеду прямо сейчас. А ты – через четверть часа. Так лучше. И... Если хочешь... Если ты хотел что-то мне сказать, то говори.

Он привлек её к себе и поцеловал. Маара не сопротивлялась, она лишь слабо упёрлась руками в его грудь.

– Микель, ты стервец. Зачем ты это сделал? Я уезжаю...

Он снова обнял её, проводя губами по шее, плечам. Её глаза помутились.

– Здесь есть номера, это гостиница? Боже, что ты делаешь...

Они вышли вместе, когда сумерки уже заползли в залив, окрашивая крыши маленького приморского городка в тяжёлый пурпур.

Микель нёс два чемодана. Они надеялись сдать наличность в банке аэропорта и налегке, не теряя ни минуты, проскочить в терминал. От «Фиата» нужно было избавиться.

Маара подошла к машине, припаркованной на площадке в ста метрах от кафе, и хотела открыть багажник, но не успела – в глаза ударил свет фар стремительно приближавшихся двух чёрных авто.

– Это дон Сальваторе, – Микель выругался.

– Бежим!

***

– Дон Сальваторе ждёт, – сказал советник двум охранникам.

Его голос гулко разносился под высоким сводами замка. Они повели Микеля и Маару к лестнице, покрытой ковром. Вверху, на широкой галерее, обрамляющей зал, стояли ещё два человека.

В их распоряжении оказалось всего несколько секунд.

– Микель... На этот раз нам не выбраться, – сказала Маара.

Он взял её за руку. Рука была холодна, как лёд.

– Знаешь, как говорят у нас на Сицилии?

– Бессмысленно. Я хотела тебе сказать, Микель. Давно хотела...

– У нас в таких случаях говорят: «Не мочись, Мария, без нужды в бокал с дешёвым фалернским».

Маара скосила глаз, усмехнувшись.

Огромный кабинет дона Сальваторе слабо освещался всего несколькими бра – дон не любил яркий свет. Сам капо был высокого роста и крепкого телосложения. На мощной шее сидела небольшая лысая голова с парой маленьких чёрных глазок у переносицы.

– Наслышан о тебе, Микель, – произнёс дон Сальваторе, тщательно акцентируя речь.

Охранник, сопровождавший их, внёс чемодан. Дон Сальваторе едва заметно кивнул, и чемодан был поставлен на стол и тотчас открыт.

Охранник замер в почтительной позе. Сальваторе глянул.

– Хм, надо же... Торино, подожди.

Он достал пару пачек из недр чемодана и подал их горилле.

– Хорошая работа, Торино. Передай от меня поклон дону Чезаре, ты знаешь.

– Благодарю вас, босс.

Охранник удалился неслышно к дверям.

Капо подошёл к столику со связью, взял трубку. Он всё делал основательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.